

Константин Годунов

«ПАЛАЧ ГОСПОДЕНЬ»: ПЬЕСА А. В. ЛУНАЧАРСКОГО «ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ» И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ

Годунов Константин Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Европейского университета в Санкт-Петербурге kostyagodunov@yandex.ru

Godunov Konstantin Valerievich, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of European University at St. Petersburg kostyagodunov@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена истории пьесы А. В. Луначарского «Оливер Кромвель». Применяя инструментарий, предлагаемый представителями «нового историзма» (С. Гринблаттом, Л. Монрозом), автор изучает пьесу, погружая ее в политические контексты. Исследование отвечает на вопросы, каков был авторский замысел Луначарского, как он описал в своем произведении вождя революции и как эти описания были связаны с его восприятием ситуации в Советской России. В статье уделено внимание тому, как характеризовали пьесу читатели различных взглядов, как на это влиял политический контекст. Показано, что в форме художественного текста об Английской революции Луначарский описал проблемы, актуальные для Советской России. Луначарский лоббировал идею о том, что в стране должен наступить гражданский мир под властью лидера, который с помощью благотворного насилия сумеет установить порядок в государстве. Восприятие драмы современниками было неоднозначным; в статье рассматривается дискуссия, развернувшаяся после выхода художественного произведения (в частности, пьеса вызвала резкое неприятие левых групп). Эти споры были связаны в том числе с полемикой о степени допустимой централизации партии, о ее бюрократизации, росте влияния вождя. Политический контекст влиял как на автора пьесы, так и на ее восприятие: читатели разных взглядов угадывали в тексте пьесы аллюзии на современные им

Abstract: The article discusses the history of the play "Oliver Cromwell" by Anatoly Lunacharsky. Using the tools offered by representatives of New Historicism (S. Greenblatt, L. Montrose), the author studies the play by putting it into political contexts. The author answers questions such as what was Lunacharsky's author's intention, how he described the leader of the revolution and how this description was related to his perception of the situation in Soviet Russia. The article looks at how readers of different views characterized the play and how the political context influenced this. It is shown that Lunacharsky described problems relevant to Soviet Russia through a literary text about the English Revolution. Lunacharsky pushed the idea that civil peace should be established in the country under the rule of a leader who would be able to restore order in the state through beneficial violence. The perception of the drama by contemporaries was ambiguous. The article discusses the debate that ensued after the release of the work of fiction (in particular, the play evoked strong indignation among left-wing groups). It is shown that those disputes were associated, among other things, with discussions about the degree of permissible centralization of the party, its bureaucratization and the growing influence of the leaders. The political context influenced both the author of the play and its perception: in the text of the play readers of different views guessed allusions to contemporary events. Some ideas that Lunacharsky probably hadn't initially in-

события. Некоторые идеи, вероятно, не закладываемые Луначарским в пьесу изначально, постепенно выкристаллизовывались в ходе дискуссий (это касается прежде всего прямого сопоставления Кромвеля и Ленина).

Ключевые слова: исторические аналогии, Гражданская война в России, политическое использование прошлого, культура насилия, театр.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: Культура конфликта в России и эскалация гражданской войны»

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.87.49.003

cluded in the play gradually crystallized out during the discussions (this relates, first of all, to the direct comparison of Cromwell with Lenin).

Keywords: historical analogies, Russian civil war, political using of past, culture of violence, theatre.

The research was supported by the Russian Science Foundation № 20-18-00369-П "The processes of legitimization of violence: Conflict cultures in Russia and the escalation of Civil War"

Konstantin Godunov

"The Executioner of the Lord": A. V. Lunacharsky's play "Oliver Cromwell" and political discussions in the Bolshevik Party

Введение

Политическое использование образов исторических событий и исторических деятелей в условиях Российской революции — важный предмет исследования. По словам Игала Халфина, «большевики старались понять смысл своего существования, свою историческую миссию, идеи, в свете которых они хотели жить... найти свое место в истории»¹. В процессе этого поиска разные политические акторы выстраивали различные политические генеалогии Октября, что должно было способствовать легитимации (а в некоторых случаях — и сакрализации) самого явления революции.

Настоящая статья посвящена истории пьесы А. В. Луначарского «Оливер Кромвель». В отличие от моих предшественников, вписавших ее в контекст истории советской драматургии и советского театра², я постараюсь прочитать художественный текст как политическое послание.

Перед историками стоит задача расшифровки смыслов источников. Один из путей к такой расшифровке предложили представители «нового историзма»³. Стивен Гринблатт, основатель этого направления, так описал сложные связи произведений

1 Халфин И. Автобиография большевизма: Между спасением и падением. М., 2023. С. 10.

2 Айзенштадт В. К. Русская советская историческая драматургия. Ч. 1 (1917–1929 гг.). Харьков, 1969. С. 43–52; Ланцюзский В. А. Историческая драма А. В. Луначарского «Оливер Кромвель» // Доклады и сообщения. По материалам III научной конференции Казанского зонального объединения кафедр литературы группы педагогических институтов. Вып. 2. Ижевск, 1964. С. 3–20; Тамашин Л. Г. Советская драматургия в годы гражданской войны. М., 1961. С. 254–260.

3 Принципы этого подхода (или совокупности подходов) к анализу текстов проанализированы в книге: Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015. С. 238–265.

искусства с контекстом, в котором они были созданы: «Мир полон текстов, большинство из которых практически непонятны, если они удалены из своего непосредственного окружения. Чтобы восстановить значение таких текстов, чтобы вообще придать им какой-либо смысл, нам нужно реконструировать ситуацию, в которой они были созданы. Произведения искусства, напротив, прямо или косвенно содержат в себе импликацию этой ситуации, и именно эта устойчивая абсорбция позволяет многим литературным произведениям пережить крах условий, которые привели к их созданию»⁴. Текст и контекст нельзя противопоставлять, они настолько взаимосвязаны, что невозможно изучать одно без исследования другого.

Посмотрим, каков был авторский замысел Луначарского и как он преломлялся под влиянием политических обстоятельств. Как нарком просвещения описал вождя революции и как эти описания были связаны с его восприятием ситуации в Советской России? Как характеризовали пьесу читатели различных взглядов? Как на это влиял политический контекст? Отвечая на эти вопросы, можно приблизиться к пониманию некоторых особенностей ранней советской политической культуры.

**«Меня интересовал вопрос о психологии вождя...»:
Образы Оливера Кромвеля в пьесе А. В. Луначарского**

Пьеса А. В. Луначарского «Оливер Кромвель» была завершена осенью 1919 г., 27 октября нарком просвещения прочел ее труппе Государственного показательного театра⁵. В 1920 г. текст пьесы выпустило Государственное издательство.

Комментируя замысел произведения, Луначарский отмечал: «Меня интересовал вопрос о психологии вождя ... вождя революционного, потому что в революционном вожде особенно сильно сказываются любопытные и важные черты»⁶. В соответ-

4 Greenblatt S. *Culture // Critical Terms for Literary Study*. Chicago, 1995. P. 227.

5 Новая пьеса А. В. Луначарского. Историческая драма «Оливер Кромвель» // Вестник театра. 1919. № 40. С. 11.

6 Луначарский А. В. Комментарии к моим драмам // Вестник театра. 1920. № 76/77. С. 16.

ствии с этим замыслом в центре повествования находилась фигура политического лидера. Рассмотрим, как характеризовал Оливера Кромвеля автор пьесы.

Луначарский описал лидера, верящего, что он вершит дело Господне: показательно, что пьеса начинается со сцены молитвы в семье Кромвелей и с цитирования Кромвелем библейского стиха об исходе евреев из Египта.

В ответ на сомнения главного героя секретарь политика, поэт Мильтон⁷, именует Кромвеля «Моисеем Англии» и призывает: «Управляй святыми Божьими по чину Гедеонову, вождь!»⁸ В этом призыве важно и наименование Кромвеля вождем, и сравнение его с ветхозаветными героями — Моисеем и Гедеоном (воином, в ходе священной войны защитившим израильский народ от врагов).

«...Ханаан⁹ еще далеко, и до него не дойдут люди моего поколения»¹⁰, — в этих словах Кромвеля отразилось его сомнение в том, что религиозный идеал достижим при его жизни. Сомневается он и в том, что может быть достигнута абсолютная свобода: «Я не знаю, будет ли когда-нибудь на земле существовать демократия. Избранному народу в лучшие времена Господь посылал судей»¹¹. Лидер видит себя избранным на роль вождя, претендует на статус продолжателя дела библейских пророков. Набожность, вера в священную миссию — важнейшая характеристика, которую давал Кромвелю Луначарский. С этим же аспектом был связан и политический идеал Кромвеля, который он описал так: «Что было бы наилучшим? Судья, избранный Богом, отмеченный дарами неба, и парламент из благочестивых и честных тружеников, посланных народом. Главное же, правительство должно — служить!»¹²

Советский исследователь В. А. Ланцузский писал, что пьеса «воспитывала ненависть к царскому режиму, обосновывала

7 Возможно, в образе поэта, близкого к вождю, Луначарский воплотил некоторые автопортретные черты.

8 Луначарский А. В. Оливер Кромвель: Историческая мелодрама. М., 1920. С. 6.

9 Имелась в виду Земля обетованная.

10 Луначарский А. В. Оливер Кромвель. С. 60.

11 Там же. С. 6.

12 Там же.

закономерность свержения власти монарха революционным путем»¹³. Этот вывод требует комментария: в изображении Луначарского Кромвель не был последовательным и идейным борцом с королевской властью. Автор пьесы приписывал ему слова: «Англия привыкла к королям. ... Король... Это большое слово»¹⁴. Луначарский описал воображающего себя последователем ветхозаветных пророков вождя, который стремится восстановить покой в государстве. Так, на замечание своего соратника Айртона — «Меч сокрушит гнилой закон» — Кромвель отвечает: «Мой меч восстановит закон! Я — человек порядка»¹⁵.

Кромвелю противостоят левеллеры. Левые радикалы в пьесе — носители не просто религиозного, но эсхатологического сознания, они ждали исполнения пророчества гуситов о наступлении времени «ярости, гнева и жестокости»¹⁶ и мечтали о победе религиозной революции в мировом масштабе: «...только когда весь мир загорится — узнаем, что Страшный суд наступил и мирное сладостное царство Божие стоит у врат»¹⁷. Их цель — религиозная гражданская война во всем мире, тотальное уничтожение врагов истинной веры. Колебания на этом пути, по мнению левеллеров, недопустимы: «Кто губит войны за правду? — Колеблющиеся, люди половины!»¹⁸ О подобной позиции Кромвель говорит: «Конец пути — в фантазии... Конец пути лежит в туманах химеры. Всякий мудрый вождь должен остановиться вовремя. Конец пути — бездна»¹⁹.

Противники Кромвеля десакрализировали образ вождя. Один из лидеров левеллеров говорит о нем: «Нам изменил тот, на кого мы возлагали все наши упования. Мы остались в пустыне без водителя. Мы думали, что нашли Моисея, но тот, кто назвался пророком Бога, оказался волком в овечьей шкуре или, скорей, лисицей в шкуре льва!»²⁰ Вновь в пьесе возникает образ Моисея, но левеллеры описывали Кромвеля не как вождя, а как

13 Ланцузский В. А. Историческая драма А. В. Луначарского «Оливер Кромвель». С. 8.

14 Луначарский А. В. Оливер Кромвель. С. 47.

15 Там же. С. 9.

16 Там же. С. 28.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же. С. 6.

20 Там же. С. 41.

лжепророка: для них он обманщик и лицемер, предавший идею религиозной республики.

Оппоненты Кромвеля «справа» — лидеры пресвитериан в парламенте — защищают prerogatives пэров и борются с правами бедняков: «Будем крепко держаться за Англию, степенную, зажиточную, просвещенную, от домовитого фермера до мощного пэра, будем держаться за нее и, в конце концов, мы победим!»²¹

Как и левые радикалы, правые использовали религиозную риторику, характеризую своего противника с помощью библейских образов. Пресвитерианин Помбертон предрекал, что «Оливера, Голиафа, Ирода — отвергнет Бог. Вижу духовными очами ангелов Божиих, низвергающих с небес с бичом гнева Всевышнего против нечестивого еретика»²². Парламент для Помбертона — «великий синагог Божий. Совет избранных. Дух Божий нисходит на него на каждом заседании. ... Слушай, Израиль, собирайся вокруг судей твоих и священников твоих...»²³

Текст пьесы насыщен религиозными образами, различные персонажи, представляющие противоборствующие политические силы, используют библейские цитаты для борьбы с Кромвелем и для описания своей роли в революции. Об этой особенности пьесы вспоминал десятилетия спустя М. С. Нароков — актер Малого театра, участвовавший в постановке произведения. Он писал, что религиозный язык, «звучавший местами в высоком библейском стиле, был уместен в пьесе, показывающей английских пуритан, у которых борьба за республиканскую идею против королевской власти шла под знаком Божественного промысла»²⁴.

В соответствии с замыслом Луначарского ход истории определяли не только и не столько социальные низы, сколько воля вождя. Характерен в этом отношении монолог Кромвеля, подавляющего восстание левеллеров в армейском полку. Лорд-генерал убивает одного из мятежников и говорит: «Дураки! Вы хотите погибнуть! Что я без вас — единица, которую сломят паписты!

21 Там же. С. 35.

22 Там же. С. 34.

23 Там же.

24 Нароков М. С. Биография моего поколения: Театр, мемуары. М., 1956. С. 219.

Что вы без меня — нули! Вы забыли 16 моих побед с вами! Кто разлучит нас! Армия — супруга моя, а я муж ее. Нас венчал Господь — человек да не разлучает. ... Эх вы, бедные парни! Не удерживай я вас, как железный обруч, — вы бы распались на части и вылили бы на землю вино дела Божия. Кромвелью не верите? Я знаю всех смутьянов! Я составлю список десяти буйных голов, и вы сами приведете их ко мне. Слыхали? Я очистил парламент, очищу и 11 полк и всю армию! Если кто пикнет, — так уложу рядом с этим беднягой, а если вы не приведете десять каналов ко мне на двор, клянусь небом и адом, — я расстреляю вас из орудий до последней собаки! Может быть, я умру от горя после этого, потому что, видит Бог, я страдаю вашими болями, но я сделаю это»²⁵. Армия, состоящая из сильных, но несознательных людей, подчиняется власти вождя. Как мы увидим, подобное описание роли «народных масс» будет замечено критиками Луначарского.

Особая тема пьесы — тема насилия. В ноябре 1920 г. Луначарский писал председателю дирекции Малого театра А. И. Сумбатову-Южину, комментируя другую свою пьесу — «Фома Кампанелла»: «Вы очень хорошо знаете, что я не только [не] против насилия в деле революции, но адепт того взгляда, что только путем насилия революции могут быть совершаемы, что старое никогда не сгнивает окончательно и может долго дышать, если его не сбросить со своих плеч беспощадным ударом. Но этот беспощадный удар оправдывается только тогда, когда наносится вовремя. В противном случае результатом является не только гибель личности, взявшей на свои плечи такую задачу, но и чрезвычайно тяжелые последствия для всех окружающих, оправдания свои находящие только в том, что ввиду таких вспышек, ввиду таких маленьких опытов нарождаются первые проблески революции грядущей»²⁶.

Это отношение Луначарского к насилию нашло отражение в «Оливере Кромвеле». Рассуждая о том, что «надо еще пролить много крови», главный герой говорит о себе: «Я — палач

25 Луначарский А. В. Оливер Кромвель. С. 42.

26 Письма к А. И. Южину-Сумбатову // А. В. Луначарский. Незданные материалы. М., 1970. С. 374.

Господень»²⁷. Несмотря на сомнения, Кромвель ощущает необходимость в насилии. На последних страницах пьесы Кромвель обращается к Мильтону: «Идти в крови, карать, казнить!.. Помнишь Ирландию? Ужасы Дрогеды и Уексфорда? Истребление населения вплоть до детей? Помнишь парламент, проклятие достопочтенного Вена? И сколько скорби...»²⁸ «А я спрашиваю свое сердце с трепетом и сомнением... Прислушиваюсь, и сердце с трепетом и сомнением отвечает: мне кажется, ты все-таки был хороший человек»²⁹, — этими словами Кромвеля завершается пьеса. Благотворное насилие вождя оправдано, оно двигает «человечество вперед»³⁰.

Итак, в соответствии с сюжетом пьесы Англии угрожали две опасности: стремление левеллеров к радикальным переменам могло привести к анархии, а победа умеренных сил в парламенте — к утрате завоеваний революции. Спасение страны зависело от действий гибкого и прагматичного лидера. Луначарский создал образ вождя, уверовавшего в свою миссию, воителя, который способен истребить врагов и в то же время примирить и объединить страну после опустошительной гражданской войны. Посмотрим, как на эту трактовку Великого мятежа отреагировали читатели разных взглядов.

«Параллели с переживаемым нами временем...»: Исторические аллюзии в «Оливере Кромвеле» и дискуссии вокруг пьесы

Председатель дирекции Малого театра и исполнитель роли Кромвеля А. И. Сумбатов-Южин писал в оставшейся неопубликованной статье, посвященной пьесе³¹: «...религиозный, чисто политический и строго национальный характер первой английской всенародной, а не классовой революции, какую была эпоха Кромвеля... — этот характер не мог лишиться ее тесной связи

27 Луначарский А. В. Оливер Кромвель. С. 61.

28 Там же. С. 66.

29 Там же. С. 67.

30 Там же.

31 Луначарский был знаком с этой статьей, в письме к Сумбатову-Южину он согласился с ее основными оценками, см.: Письма к А. И. Южину-Сумбатову. С. 375-378.

с переживаемой нами революцией вне­религиозного³², классового и интернационального характера». Это сходство автор статьи видел «в общности психики вождей всех революций, которые когда-либо и во имя чего угодно ниспровергали прежнее и устанавливали новое»³³.

Аллюзии в пьесе угадывали и другие читатели. Комментируя другую пьесу — «Народ», — написанную наркомом просвещения, театральный критик М. Б. Загорский отмечал: «А. В. Луначарский отнюдь не случайно после исторического “Кромвеля” воскрешает перед нами одну из самых интересных и красочных страниц из историй раннего, утопического коммунизма. Чувствуется определенный план и замысел драматурга — дать галерею сценических образов, как бы из тьмы веков сочувственно протягивающих руку нашей взметенной, вздыбившейся и грозной эпохе»³⁴.

Поэт В. Я. Брюсов писал о замысле Луначарского: «Самая мысль приблизить через сцену современную публику к английской революции XVII века заслуживает всяческого сочувствия. Параллели с переживаемым нами временем (при всем различии идеологии двух революций) напрашиваются сами собой, и местами они даже подчеркнуты автором. Поэтому драма имеет и воспитательное значение, значение пропаганды революционных идей»³⁵.

В целом доброжелательно оценив пьесу, Брюсов писал в то же время, что «лишь очень слабо выявлены те подлинные исторические силы, которые создавали и вели английскую революцию. На сцене — только “герои”, и у непосредственного зрителя или читателя остается впечатление, что все кругом творится исключительно по их личной воле. Социальные условия, породившие революцию, едва упоминаются, массы, народ, революционная армия остаются за сценой, и если появляются,

32 Автор зачеркнуто слово «антирелигиозного».

33 Сумбатов-Южин А. И. «Оливер Кромвель»: Историческая мелодрама А. В. Луначарского // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 878. Оп. 1. Д. 216. Л. 33 об.

34 Загорский М. О новых пьесах // Вестник театра. 1920. № 70. С. 10.

35 Брюсов В. Я. «Оливер Кромвель» // Художественное слово. М., 1920. Кн. 2. С. 59.

то в бессловесной “толпе” старых драм»³⁶. Замысел Луначарского — поместить в центр повествования фигуру вождя — вызвал недоумение не только у Брюсова: вокруг пьесы развернулась дискуссия, которая касалась не только и не столько ее художественных качеств, аргументы оппонентов Луначарского носили политический характер.

Один из лидеров Пролеткульта П. М. Керженцев в заметке, напечатанной в «Правде» 20 ноября 1920 г., писал о пьесе: «...автор восхваляет Дантона английской революции — Оливера Кромвеля, и посрамляет ее Маратов — левеллеров. ... Это настоящий гимн политическому соглашательству и суровое порицание коммунистическим настроениям эпохи»³⁷. Критикуя пьесу на страницах главного партийного издания, Керженцев выдвигал политическое по сути обвинение и требовал принять меры: «Странно, каким образом Нарком, руководящий коммунистическим просвещением Советской России, проповедует в поэтической форме реакционные идеи, и почему эти пьесы публикуются Государственным издательством, а не ходят в рукописях как материал для занятого чтения. ... Давно пора свести фантазию некоторых наших коммунистов-поэтов в суровые, но необходимые рамки партийной дисциплины»³⁸.

Луначарский ответил Керженцеву на страницах того же издания: «Кромвель был кульминационным “героем” революции 17 века, а левеллеры являлись для того времени утопистами и фактически играли роль, подобную нынешним анархистам, которые во имя и нами признаваемого идеала безгосударственности резко критически обрушиваются на политику т. Ленина»³⁹. В ходе полемики возник образ советского лидера, а позицию левеллеров Луначарский сравнил с позицией левых оппонентов большевиков.

Один из контекстов разгорающейся дискуссии — институциональный: в октябре — ноябре 1920 г. шли дебаты о степени автономии пролеткультов от Наркомпроса. Резкость обвинений

36 Там же.

37 Керженцев П. М. Драматургия тов. Луначарского // Правда. 1920. 20 ноября.

38 Там же.

39 Луначарский А. В. Письма в редакцию // Правда. 1920. 28 ноября.

Керженцева объяснялась, возможно, и тем, что он стремился укрепить позиции Пролеткульта в этом межведомственном столкновении.

26 ноября 1920 г. в Доме печати состоялся диспут о драматургии Луначарского. В дискуссии участвовали В. В. Маяковский, В. Я. Брюсов, В. Б. Шкловский, А. А. Мгебров, свою позицию вновь обозначил Керженцев. Он упрекал наркома просвещения в том, что «Луначарский, подойдя к английской революции и едва прикоснувшись к левеллерам-коммунарам, сейчас же отходит от этих образов, посрамляет их и прославляет “великого оппортуниста” — Оливера Кромвеля»⁴⁰.

Ситуация дискуссии заставила Луначарского усилить аргументы в свою защиту. Объясняя замысел пьесы, нарком просвещения заявил: «Меня занимал образ вождя-реалиста, который выполняет свой революционный план, стало быть, революционера-победителя, а революционеров-победителей в истории немного. Мы имеем счастье видеть такого вождя в своей среде, в лице тов. Ленина и, пожалуй, полностью можем видеть только в Кромвеле»⁴¹. Вновь нарком просвещения использовал в качестве важного аргумента в споре образ лидера большевиков: В. И. Ленин упоминался в речи 8 раз, его сравнение с английским революционером (которое не следует напрямую из текста пьесы⁴²) последовательно проводилось Луначарским.

Упоминался председатель Совнаркома и в связи с политическими дискуссиями в партии: «Возьмите отношения Ленина на Губернской конференции и так называемой оппозиции. С одной стороны, он обрывает эту оппозицию, а с другой — он говорит: “Пустите их к руководству. Нужно использовать все указания, которые делает оппозиция”... Вождь должен тысячу раз продумать, прежде чем он доверится народным массам. Несмотря на всю его веру в стихийность, он знает, что доминировать должно

40 Керженцев П. М. Речь // Вестник театра. 1920. № 76–77. С. 18.

41 Луначарский А. В. Комментарии к моим драмам // Вестник театра. 1920. № 76–77. С. 16.

42 На это указывает и Шейла Фицпатрик: Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 158.

сознание...»⁴³ Одна из важнейших идей пьесы заключалась в том, что мощный вождь должен держать под контролем «не-сознательные» массы (вспомним сцену подавления армейского мятежа Кромвелем). Эту идею Луначарский подкреплял ссылкой на Ленина.

Сопоставление Кромвеля с Лениным вызвало резкое несогласие некоторых оппонентов Луначарского. Редактор журнала «Творчество» Н. С. Ангарский писал, что описание расправы Кромвеля над левеллерами вызывает «нескрываемое презрение» к ним «и восторг перед английским Керенским XVII века»⁴⁴. Это сравнение Ангарский использовал и в другом месте статьи: «Политическим идеалом Кромвеля никогда не была республика, он был сторонник соглашения короля с народом. Последовательная демократия для него была психологически неприемлема. И вот этакого героя, с этакой-то особой “внутренней идеей”, более близкого короне, чем народным массам, возмнившего себя Соломоном, призванным защищать народ от “угнетения со стороны бедных”, т. Луначарский сравнивает с т. Лениным, тогда как сравнение с А. Ф. Керенским напрашивается само собой...»⁴⁵ Кромвеля, описанного Луначарским, Ангарский сравнивал не с вождем, а с лжевождем — А. Ф. Керенским — персонифицированным символом политического лицемерия и предательства⁴⁶.

Оппоненты наркома просвещения, таким образом, критиковали и замысел пьесы — то, что в ее центре находится вождь⁴⁷, а не социальные группы, и выбор фигуры вождя — то, что Луначарский выбрал именно Кромвеля в качестве персонифицированного образа удачливого революционного лидера.

Луначарский считал нужным вернуться к теме дискуссии в статье «Мысли о коммунистической драматургии», напечатанной

43 Луначарский А. В. Комментарии к моим драмам. С. 17.

44 Ангарский Н. О «свободе творчества» // Творчество. 1920. № 11/12. С. 21.

45 Там же. С. 23.

46 О том, как складывался этот негативный образ в пропаганде различных политических сил см.: Kolonitskii B. Kerensky as "Traitor": Symbolic Politics, Rumour and the Political Deployment of Rumours in the Revolutionary Period // Revolutionary Russia. 2021. Vol. 34. № 1. P. 1–18.

47 Доброжелательно настроенный по отношению к Луначарскому автор заметки в «Вестнике театра» увидел в этом развитие ницшеанской темы, см.: В «Доме Печати». На чтении «Кромвеля» // Вестник театра. 1920. № 58. С. 12.

в октябре 1921 г. Нарком просвещения объяснял смысл пьесы, вписывая ее содержание в текущий политический контекст. Рассуждая о «гениальном оппортунизме» Кромвеля, нарком просвещения отмечал: «Мы теперь, по выражению тов. Ленина, приспособляем наш передовой коммунизм индустриальных рабочих к мелкобуржуазной стихии и тем самым к некоторой стихии капитализма. Мы хотя и твердо верим в наступление революции на Западе, но говорим тем не менее об условиях существования нашей республики в “капиталистическом окружении”. И вот наша партия, прежде всего в лице ее гениального вождя, устанавливает известную оппортунистическую политику. Прочтите хотя бы письмо тов. Ленина к грузинским коммунистам⁴⁸. Ведь мог бы найтись человек из левых коммунистов или из других каких-нибудь левых, который стал бы кричать о том, что это поворот назад, что это поворот направо, что это приостановка революции. Разве он был бы совсем не прав? Нет, он не был бы совсем не прав». Далее Луначарский описывал особенности психологии большевиков: «...с точки зрения максималистской, революционерам надо идти напролом, но мы не максималисты, хотя мы люди напряженной революционной энергии. Мы даем всегда всю нашу силу для самых отважных прыжков вперед, но всегда считаемся с условиями времени и никогда не перестаем быть людьми, учитывающими действительность»⁴⁹. Прагматичный реализм — «оппортунизм» — являлся необходимым качеством истинного вождя, которым, по мнению Луначарского, обладали Кромвель и Ленин.

Луначарский не случайно вспомнил о внутрипартийных дискуссиях. Представляется, что именно меняющийся политический контекст объясняет и характерные черты пьесы, и специфику ее восприятия.

48 Речь идет о письме В. И. Ленина к Г. К. Орджоникидзе от 2 марта 1921 г. Председатель Совнаркома писал: «Прошу помнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам» (см.: *Ленин В. И. Письмо Г. К. Орджоникидзе* // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 42. С. 367). Впервые письмо было опубликовано в: *Правда Грузии*. 1921. 6 марта.

49 *Луначарский А. В. Мысли о коммунистической драматургии. По поводу пьесы Ламшуса «Фома Мюнцер»* // Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 237.

В ноябре 1920 г., когда вышла статья Керженцева в «Правде», а нарком просвещения дискутировал со своими оппонентами о политическом значении написанной им пьесы, партия спорила о том, как нужно управлять страной, — это был период «кульминации внутрипартийных разногласий» в ходе Московской губернской партконференции⁵⁰. Левые группы (прежде всего «рабочая оппозиция» и группа демократических централистов) дискутировали с ЦК РКП(б) о степени допустимой централизации партии, о ее бюрократизации, росте влияния вождей⁵¹. Луначарский выступил в этих дискуссиях на стороне Ленина⁵². Нарком просвещения считал нужным выразить свое отношение к проблеме лидерства и в форме художественного произведения.

Показательно, что некоторые критики пьесы Луначарского были одновременно активными участниками внутрипартийных дискуссий. Так, Н. С. Ангарский, чья статья цитировалась выше, был членом группы Игнатова и выступал на стороне оппозиции⁵³.

В это время менялось отношение и к перспективам «эксперта» революции: на рубеже 1920–1921 гг. некоторым большевикам стало ясно, что «мировая революция в том виде, в каком ее представляли в 1917 г., уже никогда не придет, и не придет помощь развитой Европы после поражения революционного движения в этих странах»⁵⁴. Описание борьбы реалистически настроенного Кромвеля с левеллерами, ожидающими скорой победы мировой религиозной революции, приобретало в этой атмосфере особое звучание.

«Надо быть мудрым, как змий... Нельзя идти прямо, когда путь усеян ямами»⁵⁵, — это описание Кромвелем своей политической тактики для некоторых читателей могло звучать понятно и знакомо. «Вести войну за свержение международной буржуазии, войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами,

50 Пирани С. Русская революция в отступлении. М., 2013. С. 76.

51 Власть и оппозиция. М., 1995. С. 90–131.

52 Доклады из Рязани, Тамбова и Саратова // В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С. 477–494.

53 Пирани С. Русская революция в отступлении. С. 76, 96, 350.

54 Абросимова Т. А. Мировая социалистическая революция: ошибка или утопия? // Россия в XX веке. СПб., 2008. С. 59.

55 Луначарский А. В. Оливер Кромвель. С. 47.

и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречия интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешная вещь? Разве это не похоже на то, как если бы при трудном восхождении на неисследованную еще и неприступную доньше гору мы заранее отказались от того, чтобы идти иногда зигзагом, возвращаться иногда назад, отказываться от выбранного раз направления и пробовать различные направления?»⁵⁶ — так осенью 1920 г. В. И. Ленин критиковал тактику «левых коммунистов» в мировом революционном движении.

В этом контексте становится яснее, почему пьеса вызвала резкое неприятие левых групп: в форме художественного текста о Великом мятеже Луначарский описал проблемы, актуальные для Советской России. Одно из политических посланий текста оппоненты наркома просвещения, вероятно, приняли на свой счет: если левые радикалы не будут остановлены, выход страны из кризиса будет затруднен.

Новый всплеск интереса к пьесе был связан с подготовкой спектакля. В циркуляре Наркомпроса, направленном «всем губернским и уездным отделам народного образования», к 3-й годовщине революции театрам предлагалось организовать постановку следующих пьес: «Зори» Э. Верхарна, «Взятие Бастилии» Р. Роллана, «Стенька Разин» В. В. Каменского, «Мистерия-буфф» В. В. Маяковского, «Народ» и «Оливер Кромвель» А. В. Луначарского⁵⁷.

Театральный режиссер Н. В. Петров вспоминал, что за 21 день до празднования Октября директор академических театров И. В. Экскузович предложил ему поставить драму, но Петров выбрал для постановки «Фауст и город» — другую пьесу наркома

56 Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 41. С. 54.

57 Инструкция по организации агитационной кампании в дни Октябрьских торжеств. Всем губернским и уездным отделам народного образования циркулярно // Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 50/646. Л. 25 (дата на документе отсутствует. — К. Г.).

просвещения⁵⁸. Премьера «Оливера Кромвеля» состоялась год спустя, 7 ноября 1921 г. в московском Малом театре.

В ходе репетиций пьесы в этом театре Луначарский написал дополнительную сцену — альтернативный финал драмы, в котором усилил идею о Кромвеле как предшественнике российских революционеров. Умиравший лорд-протектор обращался к зрительному залу: «Да, вы совершите великое. О, вы далеко впереди! Далеко впереди! Вы счастливы, вы ближе к концу битвы за равенство. Но вы понимаете: я делал то, что муж твердый должен был сделать в мой век. Да, да, мы с вами, и самые ошибки мои вам в поучение и пользу. ... Вы поняли меня... Вы мои дети... Вы не осудите вашего предтечу...»⁵⁹ Луначарский описал Кромвеля, предчувствовавшего приход сил, которые воплотят в жизнь идеалы, неосуществимые до конца в его эпоху. Большевики в этом контексте выступали как продолжатели дела лидера религиозной революции. Так революция в России генеалогически связывалась с Великим мятежом, а его вождь представлял предвестником российских революционеров.

Премьера пьесы в Малом театре вызвала новый виток дискуссии. Писатель, бывший член партии левых эсеров С. Д. Мстиславский оценил пьесу так: «...несколько неожиданным кажется нам именно под пером Луначарского этот апофеоз “вождя”, апофеоз “героя”, столь резко противопоставляемого массе, “толпе”, как делает это в своей пьесе автор “Оливера”»⁶⁰. Повторялось обвинение Луначарского в том, что в основе сюжета его пьесы находились действия политического лидера. Сам факт постановки подобной пьесы Мстиславский, присутствовавший на генеральной репетиции в Малом театре, иронически характеризовал так: «...как мелодраматический спектакль пьеса будет, надо думать, иметь успех: разве был в прошлом случай, чтобы обстановочная пьеса с такою богатою фабулой — с королями, заговорами, любовью, стрельбой и пением, не утомляющая нимало мозга и тешащая глаз, не имела успеха? В прошлом? Да? Но

58 Петров Н. В. 50 и 500. М., 1950. С. 234.

59 Луначарский А. В. Неопубликованный вариант финала драмы «Оливер Кромвель» // А. В. Луначарский. Изданные материалы. С. 370–371.

60 Мстиславский С. Д. «Оливер Кромвель». К постановке в Малом театре // Экран. 1921. № 4. С. 7.

разве мы в данном отношении и сейчас еще не в прошлом? Ответ уже в самом факте постановки “Кромвеля”»⁶¹. Выход спектакля по мотивам «неудачнейшей из драм А. В. Луначарского, пьесы»⁶² вызывал неприятие у Мстиславского.

Этот аргумент приводил и П. М. Керженцев, вновь выступивший с критикой пьесы: «Не тайна, что в партийных кругах оценка “Оливера” дается именно в том же смысле, в каком высказывался я. Недаром же это первая “революционная” пьеса, которая не за страх, а за совесть понравилась ортодоксальному “Малому театру”. И острота одного из наших сатириков, предлагающая сохранить эту пьесу в репертуаре даже на случай торжества монархии, не так уж далека от истины»⁶³. Для сторонников радикальной демократизации театрального дела постановка «Оливера Кромвеля» в театре, символизировавшем для них отжившие традиции, была неприемлема. Керженцев повторил и прежние свои аргументы, направленные против пьесы, — недооценка роли левеллеров и преувеличенное внимание к роли вождя.

Как воспринимали пьесу и спектакль «рядовые» читатели и зрители? Сумбатов-Южин писал о реакциях зрительного зала: «...было все же досадно и больно чувствовать, что пьеса слишком тонка и художественна для культурного уровня той публики, которая составляла большинство зрительного зала, что она в лучших интереснейших своих частях — и исторических, и бытовых, и философских не доходит полностью до зрителя, что этому мешает незнакомство зала с колоритом эпохи, а может быть, и то, о чем с тоской говорит Гамлет в сцене с актерами»⁶⁴⁶⁵. При этом глава театра делал оговорку о том, что «идейная сторона пьесы не только будила мысль и сознательность, но захва-

61 Мстиславский С. Д. «Оливер Кромвель». К постановке в Малом театре // Экран. 1921. № 4.

62 Мстиславский С. Д. «Оливер Кромвель». К постановке в Малом театре // Экран. 1921. № 5. С. 7.

63 Керженцев П. О коммунистической драматургии // Печать и революция. 1922. Кн. 6. С. 18–19.

64 Вероятно, Сумбатов-Южин имел в виду слова Гамлета о райке, «который не смыслит ничего, кроме неизъяснимой немой пантомимы и крика» (см.: Гамлет: Трагедия в пяти действиях. Пер. А. Кронеберга // Полное собрание сочинений В. Шекспира в переводе русских писателей: в 3 т. / под ред. Д. Михаловского. Т. 3. СПб., 1899. С. 169).

65 Сумбатов-Южин А. И. «Оливер Кромвель». РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 216. Л. 52.

тывала и волновала зал, и особенно тех, будь то человек любого класса и любой социальной клетки, кому сознательно или инстинктивно дорог и близок внутренний смысл великого сдвига хоть части человечества с мертвой точки одряхлевших средневековых форм»⁶⁶.

Показательно, что схожую оценку восприятия пьесы дал сам Луначарский. Обычно высоко оценивавший свои художественные произведения, нарком просвещения самокритично описал восприятие пьесы пролетариями: «Рабочие говорят мне: “В вашем ‘Оливере Кромвеле’ слишком часто говорят о боге. Нам не нравится, что у вас Кромвель религиозен”. “Нам не нравится, что с Кромвелем как-то сложно”, — говорит мне другой. — Не то он наш, не то он не наш»⁶⁷. Эту оценку Луначарского с удовлетворением повторил Керженцев⁶⁸. Как видим, и автор пьесы, и Сумбатов-Южин — один из создателей спектакля «Оливер Кромвель» — писали о том, что текст был не вполне понятен рабочим.

Итак, политический контекст влиял как на автора пьесы, так и на ее восприятие читателями: люди угадывали в тексте пьесы аллюзии на современные им события. Некоторые идеи, вероятно, не закладываемые Луначарским в пьесу изначально, постепенно выкристаллизовывались в ходе дискуссий. Это касается прежде всего сравнения Кромвеля и Ленина. Показательно, что в 1924 г., спустя несколько лет после издания пьесы и дискуссии вокруг нее, о сравнении Кромвеля и Ленина вспомнил М. Н. Покровский. Описывая Ленина как уникального революционного вождя, историк при этом ссылаясь на пьесу Луначарского: «Наиболее популярным является сопоставление с Ильичом Кромвеля. Это сопоставление нашло себе отражение в литературе. Драма Луначарского пропитана этим сравнением»⁶⁹. По всей вероятности, аналогия, использованная наркомом просвещения, была известна в партии.

66 Там же.

67 Луначарский А. В. Театр и революционная Россия (некоторые итоги и перспективы) // Вестник искусств. 1922. № 1. С. 3.

68 Керженцев П. О коммунистической драматургии. С. 18.

69 Покровский М. Н. Ленин как тип революционного вождя. (Из лекции на курсах секретарей укомов) // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 62.

Заключение

Луи Монроз, представитель «нового историзма», писал о том, что внимания заслуживает «то двунаправленное историческое давление, посредством которого прошлое сформировало настоящее, и настоящее переформирует прошлое»⁷⁰.

Анализ пьесы «Оливер Кромвель» позволяет на конкретном материале показать, как политический контекст влиял на художественное произведение и как это художественное произведение, в свою очередь, способствовало эскалации дискуссий внутри партии. Контекст влиял на создание и восприятие текста, а текст, со своей стороны, оказывал некоторое воздействие на текущую политическую ситуацию.

В момент, когда обсуждалась драматургия Луначарского, полномасштабная гражданская война постепенно подходила к концу, и люди разных политических взглядов подвели итоги пережитого. Пьеса «Оливер Кромвель» — художественное произведение, рожденное атмосферой внутрипартийных дискуссий, — была ответом Луначарского на вопросы, диктуемые переходной эпохой. Не угрожает ли армия, победившая в гражданской войне, мирному развитию государства? Как быть, когда надежда на победу мировой революции постепенно угасает? Как завершить гражданскую войну и объединить страну? Обсуждая пьесу о лидере Английской революции, разные люди задавались вопросом, на основе каких политических ценностей должно строиться новое государство.

«Правь по чину Гедеонову, вождь», — в этом призыве Мильтона, возможно, отчасти воплотилась и вера самого Луначарского в то, что должен наступить гражданский мир под властью лидера, который с помощью благотворного насилия сумеет установить порядок в государстве.

70 Монроз Л. А. Изучение Ренессанса: Поэтика и политика культуры // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). С. 22.

ЛИТЕРАТУРА

- Абросимова Т. А. Мировая социалистическая революция: Ошибка или утопия? // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: сб. статей / под ред. М. В. Ходякова. СПб., 2008. С. 54–60.
- Айзенштадт В. К. Русская советская историческая драматургия: Ч. 1 (1917–1929 гг.). Харьков: [Б. и.], 1969. 139 с.
- Ланцузский В. А. Историческая драма А. В. Луначарского «Оливер Кромвель» // Доклады и сообщения: По материалам III научной конференции Казанского зонального объединения кафедр литературы группы педагогических институтов. Вып. 2. Ижевск, 1964. С. 3–20.
- Монроз Л. А. Изучение Ренессанса: Поэтика и политика культуры // Новое литературное обозрение. 2000. № 2 (42). С. 13–37.
- Пирани С. Русская революция в отступлении. М.: Новый хронограф, 2013. 422 с.
- Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 379 с.
- Тамашин Л. Г. Советская драматургия в годы гражданской войны. М.: Искусство, 1961. 289 с.
- Халфин И. Автобиография большевизма: Между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 843 с.

- Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921. Cambridge: Oxford University Press, 1970. 380 p.
- Greenblatt S. Culture // Critical Terms for Literary Study / ed. F. Lentricchia, T. McLaughlin. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995. P. 225–232.
- Kolonitskii B. Berensky as "Traitor": Symbolic Politics, Rumour and the Political Deployment of Rumours in the Revolutionary Period // Revolutionary Russia. 2021. Vol. 34, № 1. P. 1–18.

REFERENCES

- Abrosimova T. A. Mirovaya socialisticheskaya revolyuciya: oshibka ili utopiya? // Rossiya v XX veke: problemy politicheskoy, ekonomicheskoy i social'noy istorii: sb. statej / pod red. M. V. Hodyakova. St Petersburg, 2008. P. 54–60. In Russian.
- Aizenshtadt V. K. Russkaya sovetskaya istoricheskaya dramaturgiya: Ch. 1 (1917–1929 gg.). Har'kov [S. n.], 1969. 139 p. In Russian.
- Lancuzskij V. A. Istoricheskaya drama A. V. Lunacharskogo «Oliver Kromvel'» // Doklady i soobshheniya: Po materialam III nauchnoj konferencii Kazanskogo zonal'nogo ob`edineniya kafedr literatury` gruppy` pedagogicheskix institutov. Vol. 2. Izhevsk, 1964. P. 3–20. In Russian.
- Montrose L. A. Izuchenie Rennessansa: poe`tika i politika kul`tury` // New Literature Review. 2000. № 2(42). P. 13–37. In Russian.
- Pirani S. Russkaya revolyuciya v otstuplenii. Moscow: Novy`j xronograf Publ., 2013. 422 p. In Russian.

Potapova N. D. Lingvisticheskij povorot v istoriografii. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2015. 379 p. In Russian.

Tamashin L. G. Sovetskaya dramaturgiya v gody ` grazhdanskoj vojny ` . Moscow: Iskusstvo Publ., 1961. 289 p. In Russian.

Halfin I. Avtobiografiya bol ` shevizma: mezhdru spaseniem i padeniem. Moscow: New Literature Review Publ., 2023. 843 p. In Russian.

Fitzpatrick S. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921. Cambridge: Oxford University Press, 1970. 380 p.

Greenblatt S. Culture // Critical Terms for Literary Study / ed. F. Lentricchia, T. McLaughlin. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995. P. 225–232.

Kolonitskii B. Kerensky as "Traitor": Symbolic Politics, Rumour and the Political Deployment of Rumours in the Revolutionary Period // Revolutionary Russia. 2021. Vol. 34, № 1. P. 1–18.